
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕЗЫ ИСТОРИИ

С. В. БОГДАНОВ

МОЛОДЕЖЬ В СФЕРЕ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ СССР (1917–1991 ГОДЫ)

В статье рассматриваются причины и особенности вовлечения молодых людей в сферу неформальной экономической деятельности в СССР. Анализируется такой феномен, как детская спекуляция в условиях тоталитарного политического режима. Прослеживается эволюция политики Советского государства в отношении носителей неформальной экономической активности.

Ключевые слова: молодежь, теневая экономика, экономическая преступность, спекуляция, хищения государственной собственности, цеховики, незаконная предпринимательская деятельность.

Молодежь справедливо считается одной из самых социально мобильных групп населения, что обусловлено специфическим статусом и особым местом в системе социального взаимодействия, ее ролью в воспроизводстве трудового и интеллектуального потенциала. От социального самочувствия молодежи в современном российском социуме зависит, получит ли общество положительный импульс в своем развитии или будет с неизбежностью обречено на постоянное балансирование между видимостью порядка и вероятностью стремительного нарастания социального хаоса.

Государство всегда оказывалось перед необходимостью четко артикулировать свою позицию применительно к идеологическим, политическим, экономическим ориентирам и нравственным приоритетам молодого поколения. Однако отношения в плоскости «власть – молодежь» на протяжении всей советской эпохи не всегда развивались исключительно в русле позитивного восприятия государственных ценностей со стороны молодых людей. Такая конфликтность в СССР проявлялась, в частности, в противодейст-

вии государственной машины любым выражениям неформальной экономической активности.

Несмотря на то, что с конца 1980-х годов отечественными обществоведами стала разрабатываться проблематика теневой экономики, вторичной занятости, отдельные аспекты остаются слабо изученными. Проблема участия определенной части советской молодежи в неформальной сфере экономической деятельности до настоящего времени специально не рассматривалась в научной литературе. Рассмотрим подробнее особенности участия молодежи в теневой экономике и проследим, как на это реагировало государство в различные периоды существования СССР.

В. И. Ленин говорил: «Спекулянт, мародер торговли, срыватель монополий – вот наш главный “внутренний” враг, враг экономических мероприятий Советской власти» (Ленин 1974: 296–297). Неслучайно уже 15 ноября 1917 года был издан Декрет СНК «О борьбе со спекуляцией», в котором предлагалось всех лиц, виновных в этом преступлении, подвергать «...немедленному аресту и заключению в тюрьмах Кронштадта впредь до предания военно-революционному суду» (Собрание... 1917).

Тем не менее именно в период «военного коммунизма» получило бурное развитие так называемое мешочничество – специфический вид нелегальной предпринимательской деятельности. Многие молодые рабочие вынуждены были отправляться из городов в сельскую местность, чтобы добыть продовольствие для своих семей. Как свидетельствуют документы репрессивных органов советской России, в 1918–1920 годах значительное число молодых людей активно участвовало в спекулятивных операциях.

Благоприятные условия для вовлечения молодежи в стремительно разрастающуюся теневую экономическую сферу сложились в годы новой экономической политики (нэпа). Именно с начала 1920-х годов государство вольно или невольно запустило механизмы масштабной спекуляции. При этом если в 1918–1920 годах запрет свободы торговли сдерживал развитие нелегальной экономической деятельности, загоняя ее глубоко в подполье, то с начала 1920-х годов стало довольно сложно зафиксировать грань между разрешенными торгово-посредническими операциями и собственно спекуляцией товарами.

Несмотря на официальную пропаганду и стремление партийно-государственных органов превратить образ появившегося мелкого предпринимателя – нэпмана – в карикатурный образ «рвача» и «стяжателя», дух обогащения и потребительства все сильнее

охватывал различные слои населения. Яркие витрины магазинов, шумные увеселительные заведения, кинематограф и соблазны городской жизни манили молодых людей. Однако достижение многих социальных благ было фактически затруднено – безработица в большей степени коснулась молодежи, среди высокооплачиваемых категорий молодые люди были скорее исключением, нежели правилом.

Противоречия повседневного бытия нэповской России, социальная дезадаптация довольно широких слоев населения способствовали распространению различных форм асоциального поведения молодежи. Широкое распространение получают наркомания, пьянство, проституция, преступность, суицид (Пашин, Богданов 2006).

В целом социальные следствия нэпа все дальше уводили страну от тех идеалов, которые были провозглашены большевиками на заре пролетарской революции, за которые было пролито столько крови и положено жизней на фронтах Гражданской войны. Тихий и ползучий ренессанс капитализма становился не мифической угрозой, а повседневной реальностью. Неслучайно со второй половины 1920-х годов правящий режим все более ужесточает формы противодействия преступлениям в экономической сфере.

С начала 1930-х годов государство развернуло решительную борьбу с любой неформальной экономической деятельностью. По мысли высшего руководства страны, у обычного труженика доходы должны быть весьма скромными. Все, кто не попадал под эту схему обывательского восприятия и своеобразного понимания социального равенства, отторгались общественным мнением. Приоритетом общественного развития с начала 1930-х годов стала ориентация на всеобщее социальное равенство и его государственную поддержку, создание препятствий на пути обогащения отдельных граждан, одним из способов которых являлась спекуляция, а также различные коммерческие сделки.

Перекрывая один канал распространения спекуляции, власть оказывалась не в состоянии закрыть другие бреши, куда она просачивалась. Порой спекуляция принимала довольно экзотические формы, вовлекая в сферу своего влияния совсем молодых людей. Довольно щепетильной проблемой, вставшей перед властями в начале 1930-х годов, стала так называемая детская спекуляция, против которой велась особенно яростная борьба. У многих детей, родившихся после революции и не видевших капитализма, но смутно помнивших нэп, неожиданно просыпалась коммерческая жилка, чего серьезно опасалась власть.

В справке, подготовленной к заседанию Оргбюро ЦК ВКП(б) от 7 мая 1933 года, отмечалось: «Подавляющее большинство ребят, торгующих на улицах папиросами, занимающихся чисткой сапог и т. д., – школьники. Некоторые из них – пионеры. Все они дети работающих родителей. Собранные материалы свидетельствуют о том, что, как правило, дети идут спекулировать на улицу не вследствие нужды и бедственного материального положения, а вследствие крайне слабой работы школы и пионерской организации в области удовлетворения запросов детей». И далее: «Борьба с детской спекуляцией по Москве ведется слабо, а в ряде городов, как, например, Ростов, Новороссийск и другие – совсем не ведется, так как отделы народного образования и школы считают, что этим должна заниматься милиция, милиция считает, что этим должна заниматься школа и отдел народного образования, пионерская организация совершенно стоит в стороне» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 346. Л. 245).

Вот примеры задержанных юных «спекулянтов» по Москве: «Фуршин учится в 5 классе “В” школы № 3 Бауманского района – систематически торгует спичками. Покупает по 20 коп. пачку, а продает по 50 коп. Родители Фуршина вполне обеспечены. Костя Васильев, ученик 29 школы Дзержинского района из школы не идет домой. Он направляется к Третьяковскому проезду. На ступеньках раскладывает спички, раскрывает пачку с папиросами и торгует» (Там же).

Далее в документе отмечалось, что вырученные деньги ребята тратят на кино, сладости, папиросы и выпивку. Однако взрослых беспокоит, что «вовремя не пресеченная, детская спекуляция... может стать самоцелью, привычкой к выработке коммерческой прибыли», что явно противоречит принципам социализма. Поэтому в Москве милиция и ловит юных спекулянтов, из которых беспризорников только 1–2 %, сотнями. Согласно справке, число малолетних правонарушителей, доставленных в московское отделение милиции в 1932 году за спекуляцию, увеличилось по сравнению с 1931 годом на 1133 человека, причем большинство из них были из «социально близких» слоев населения – семей рабочих (Там же). Данная цифра говорит не только о массовом характере явления и его большой распространенности, но и о повышении внимания к нему со стороны партийных, государственных и правоохранительных органов. Несмотря на массивную борьбу Советского государства со спекуляцией, вступившую в новую фазу после принятия специального закона об усилении борьбы с этим видом пре-

ступлений в 1932 году, она сохранялась, приспособливаясь и видоизменяясь в условиях неблагоприятной для нее политической и правовой обстановки, в том числе и в период Великой Отечественной войны.

Разруха, голод первых послевоенных лет создавали питательную почву для участия молодых людей в различных незаконных коммерческих сделках. В определенном смысле это были способы индивидуального выживания. Но в условиях тотальных запретов данные действия, совершаемые даже детьми, вызывали довольно жесткую ответную реакцию со стороны государства.

Приведем типичный документ того времени, иллюстрирующий ситуацию с участием молодежи в спекулятивных операциях в Москве.

В справке прокурора группы по делам несовершеннолетних при Генеральном прокуроре СССР младшего советника юстиции Преображенской о состоянии детской безнадзорности и борьбе с нею в городе Москве отмечалось, что всего во втором полугодии 1945 года правоохранительными органами в столице за торговлю было задержано 9146 несовершеннолетних, или чуть более одной трети от всех задержанных за различные правонарушения детей. «На центральном рынке (Коминтерновский район) ежедневно значительное количество детей 13–15 лет, преимущественно девочки, торгуют дрожжами, конфетами. Они выстраиваются открыто в ряд у входа в рынок, наперебой предлагают свой товар покупателям. На задаваемые мною вопросы некоторым из них, что их заставляет торговать, они или отделяются молчанием, или чаще всего, отвечают грубо... Сложилось впечатление, что эти подростки пришли на рынок не случайно, они постоянные его обитатели, умеют себя в этой обстановке держать, словом, это “дело” им вошло в привычку. Одних и тех же девочек с продажей дрожжей я замечала здесь неоднократно. Встречались и такие факты: с дрожжами девочка, а за ней стоит женщина и только принимает деньги от покупателей. Назвать свою фамилию девочка и женщина отказались.

На этом же рынке много ребят с продажей старых учебников, тетрадей, открыток и разных канцелярских принадлежностей. Здесь немало и детей-покупателей. Торговля среди детей идет полным ходом.

Мелькают подростки-мальчики лет 15–16, и иной раз и 10–11 лет. У самого входа на рынок – на улице. Они скупают пачками папиросы (для продажи поштучно). Тут же рядом ходят дети и предлагают по спекулятивным ценам билеты в цирк.

Характерно, что место торговли не ограничивается территорией рынка. Близ прилегающие кварталы также превращены в места торгова, где также обращают на себя внимание дети, продающие хлеб, папиросы, мыло.

Поражает своей массовостью торговля среди детей в крупных булочных города. В дверях любой булочной Свердловского р[айо]на Вас первым долгом встречают подростки с вопросом: “нет ли продажных талонов”...

Позорным пятном для столицы выглядит квартал центра города у кинотеатра “Метрополь”. Здесь в любое время дня и до позднего вечера подростки перепродают билеты. Купленные за 3 руб. билеты продаются по 15–20 руб. Все это делается очень ловко, но заметно...

На улицах города и площадях (гл[авным] образом у вокзалов) можно также наблюдать картины, когда подростки из-под полы в буквальном смысле этого слова, а иной раз открыто, продают или хлеб, или папиросы» (ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 2322. Лл. 17–25).

В справке содержались конкретные предложения по активизации государственных органов и других организаций против вовлечения несовершеннолетних в торгово-спекулятивные операции. Предлагалось внести представление начальнику УМВД МО по поводу обнаруженных проверкой нарушений и бездействия органов милиции города при наличии большого количества детей, занимающихся торговлей на рынках, в магазинах и прочих местах, и одновременно потребовать упорядочения рыночной торговли, не допуская превращения в рынки улиц и площадей, не отведенных для этой цели.

В конце 1950 – начале 1960-х годов советское правительство, взяв стратегический курс на «повышение благосостояния народа», предприняло усилия для роста денежных доходов населения, достижения «социальной однородности общества» через искусственное «подтягивание» низкооплачиваемых слоев к среднему уровню заработной платы. Можно без преувеличения сказать, что в эти годы в СССР произошла настоящая «потребительская» революция.

Аскетизм 1930–1940-х годов уступал место стремлению к комфорту в самых различных социальных слоях советского общества. В молодежной среде все больше стали говорить о модной одежде, бытовой технике. А в условиях сохранявшегося дефицита это открывало простор для широкого распространения спекуляции, злоупотреблений в торговле.

Одним из симптомов сдвига в общественном сознании стали все отчетливее проступавшие потребительские настроения. Открыв для себя мир и себя для мира в эти годы, граждане Советского Союза знакомились, в частности, и с образцами западной бытовой культуры: модной одеждой и обувью, очень не похожими на стандартизированные образцы отечественного «легпрома», парфюмерией, бытовой техникой и т. д. Стереотипы западной моды распространялись довольно быстро, особенно в самой восприимчивой аудитории – среди молодежи. Удовлетворить растущие потребности советских молодых людей в этих атрибутах «красивой жизни» социалистическая промышленность была не в состоянии. К тому же такая задача не укладывалась в контекст официальной идеологии.

Отечественный рынок потребительских товаров отличался бедным выбором и слабым дизайном моделей, предназначенных для массовой продажи, и не успевал за ростом доходов населения и формирующейся новой потребительской культурой среди части советской молодежи. Эти факторы уже к концу 1960-х годов стимулировали спрос на модные, особенно импортные, товары широкого потребления, а также стремительно набиравших популярность западных исполнителей и музыкальные группы.

В отдельных случаях дефицит восполнялся при помощи контрабанды, купли-перепродажи товаров из валютных магазинов «Березка», спекулятивных перепродаж привозимых из-за границы товаров широкого потребления («ширпотреб»), первых отечественных подделок, выпущенных в кустарных частных мастерских.

На рубеже 1950–1960-х годов неуклонно увеличивался разрыв между реальными условиями жизни и жизненными стандартами, тем имущественным уровнем, который большинством населения стал рассматриваться в качестве приемлемого и необходимого. Фактически потребление продуктов питания и промышленных товаров большинством населения СССР существенно обогатилось, но растущие потребности удовлетворялись все слабее. При этом в советском обществе шел процесс имущественной и социальной дифференциации. И если статистика его не замечала, то на уровне обывателя недовольство существующим положением вещей очень часто прорывалось наружу. Так, не назвавший себя автор письма в орган ЦК КПСС газету «Правда» писал: «Глупо было бы думать, что государственные и партийные органы санкционировали и узаконили официальное существование социально различных групп, классов и т. д. Между тем ни для кого не секрет, что такое острое социальное противоречие между отдельными слоями населения

и людьми, стоящими близко к государственной власти, имеется. Имеется нищета на одном полюсе, охватывающая миллионы населения страны, и имеется богатство на другом полюсе» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 140. Л. 102).

В 1960–1970-х годах в массовом сознании советской молодежи происходили серьезные изменения. Дух романтики все чаще уступал прагматизму. Вопреки идеологической риторике о приоритете государственных интересов над личными, нетерпимости к духу «вещизма» и «мещанства» в обществе усиливалось желание обладать широким спектром престижных материальных ценностей. Иждивенческая потребительская психология отразилась и на трудовых устремлениях значительной части советской молодежи. Труд в сельском хозяйстве становился все менее привлекательным, особенно для молодежи, в силу его низкой механизации, рутинности. Это обстоятельство подталкивало сельскую молодежь к отъезду в города. «По данным опроса выпускников сельских средних школ Свердловской области и Забайкалья, собирались остаться в деревне 13 и 10 %; среди опрошенных выпускников 8-летних школ это процент оказался еще ниже – 8 и 7 %» (Рекунов 1967: 56).

Советская общеобразовательная школа была ориентирована на подготовку своих выпускников для поступления в вузы. В учебных заведениях фактически сложилась такая обстановка, при которой происходило «выталкивание» после окончания неполной средней школы (8 классов) слабых, «проблемных» учащихся в ПТУ. Исследования 1970-х годов показывают, что от 70 до 90 % старшеклассников стремились после получения аттестата о среднем образовании продолжить свое образование чаще в вузе, реже в техникуме (Титма 1975).

Опрос горьковскими социологами молодых рабочих показал, что треть из них случайно выбрали профессию («выбора не было», «выбрал заодно с друзьями», «случайно»). «24 % опрошенных высказали свое мнение, что предпочли бы другую профессию, если бы пришлось выбирать заново» (Социальные... 1980: 71). В целом для значительной части советской молодежи приложение сил в сфере промышленного производства, сельского хозяйства и других секторах экономики стало непрестижным. Поэтому предприимчивые молодые люди, не видя для себя возможности продвижения на государственной службе или в производственной сфере, уходили «в тень», создавали теневые подпольные предприятия. Формировался определенный слой «теневиков», тесно связанный с криминальным капиталом. Теневая экономика в СССР, по оцен-

кам экспертов, составляла 20 % от официальной экономики (Величко 2007).

Сводки правоохранительных органов СССР фиксировали растущее с каждым годом число молодых людей, привлекаемых к уголовной ответственности за спекуляцию, незаконные валютные операции, хищения государственной собственности. Мрачное впечатление производила и статистика должностных хищений, взяточничества среди чиновничества. Последнее закладывало прочный фундамент под процесс делегитимизации правящей партии и девальвации идеалов социализма.

Пустившая глубокие корни в недрах советской социально-экономической и политической системы теневая экономическая деятельность имела целый ряд крайне негативных последствий. Их можно свести к следующим.

1. Перераспределение части национального дохода осуществлялось по «теневым» каналам, что способствовало росту стихийной социальной и имущественной дифференциации.

2. Наглядные примеры того, как всевозможные «доставалы», фарцовщики, не прилагая больших физических усилий, живут лучше, нежели обычный советский труженик, порождали в обществе и прежде всего у молодежи недовольство, социальную апатию, своеобразную систему «перевернутых ценностей».

3. Неспособность государства справиться с нарастающим валом социально-экономических проблем, обуздать преступность, в том числе и в экономической сфере, вела к прогрессирующему падению авторитета партийных и государственных органов.

Перестроечный период в СССР оказался чрезвычайно противоречивым в плане дальнейшей «коммерциализации» общественного сознания, с одной стороны, и попыток обновления обветшавшего здания социализма – с другой. 1985–1991 годы продемонстрировали усиливающуюся теневую экономику и вовлечение в нее все большего числа молодых людей.

Обращают на себя внимание изменения, которые произошли среди выявленных спекулянтов: с 1985 по 1990 год обозначился процентный рост мужчин, а также лиц до 30 лет, в том числе учащихся. Спекуляция для отдельных молодых людей стала более привлекательным, а главное – более доходным занятием, нежели работа на государственном предприятии, в учреждении или организации. Однозначно можно утверждать, что общественное сознание в СССР во второй половине 1980-х годов все более «маркетизировалось».

В документах партийных форумов уже открыто звучал вывод о девальвации духовно-нравственных ценностей. На январском Пленуме ЦК КПСС 1987 года констатировалось следующее: «Возросла прослойка, в том числе среди молодежи, для которых цель жизни свелась к материальному благополучию, к наживе любыми способами. Их циничная позиция приобретала все более воинствующие формы, отравляла сознание окружающих, породила волну потребительства» (Материалы... 1987: 12).

Однако вряд ли всплеск спекуляции в советском обществе в этот период можно свести исключительно к девальвации духовно-нравственных ценностей. Спекуляция подпитывалась двумя обстоятельствами: фактической легализацией частнопредпринимательской деятельности с 1987 года и нараставшим дефицитом товаров не только длительного пользования, но и повседневного спроса.

Примечательным оказался также и состав растратчиков социалистической собственности, выявленных в 1986–1990 годах. То, что среди них количественно преобладали мужчины, неудивительно: это отражало гендерную стратификацию государственных и партийных органов. Тем не менее удельный вес женщин в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления в 1986 году, составил 42,7%. Несколько десятков растратчиков в возрасте от 14 до 17 лет были явлением нехарактерным. Но молодежь в возрасте 18–29 лет давала уже 22–24% от всех уличенных в растрате. Основной массив растратчиков в этот период был представлен возрастной категорией от 30 лет и старше (75–77% от всех выявленных растратчиков). Статистика убедительно свидетельствовала, что этот вид преступлений по-прежнему был в основном характерен для служащих. Среди всех лиц, совершивших растрату, их оказалось больше, нежели рабочих, колхозников и учащихся (Преступность... 1990: 10, 11, 69, 72; Преступность... 1991: 10, 75, 79, 83; Лунев 2005: 489, 490, 505, 509; Богданов 2010: 479–480).

Последняя попытка реформ в СССР, инициированных М. С. Горбачевым, закончилась крахом социально-экономической и политической системы и распадом страны. И в этом плане пусть не явную, но опосредованную роль сыграла неспособность политического режима в стране удовлетворить все возраставшие и усложнявшиеся материальные и духовные потребности достаточно широких слоев населения. Слишком вялыми, непоследовательными, противоречивыми, а главное – запоздалыми оказались попытки высшей партийно-государственной элиты Советского Союза осуществить модернизацию страны, фактически не затрагивая фундаментальных основ экономики и политической системы...

Литература

Богданов, С. В. 2010. *Хозяйственно-корыстная преступность в СССР 1945–1990 гг.: факторы воспроизводства, основные показатели, особенности государственного противодействия*: дис. ... д-ра ист. наук. Курск.

Величко, С. А. 2007. *Общественно-политическая жизнь в Сибири в 1985–1991 гг.*: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово.

Ленин, В. И. 1974. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат.

Лунев, В. В. 2005. *Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер.

Материалы Пленума ЦК КПСС. 27–28 января 1987 г. М.: Политиздат, 1987.

Пашин, В. П., Богданов, С. В. 2006. *Советская Россия в 1920-е годы: власть, социальные аномалии, общество*: монография. Курск: Изд-во КГТУ.

Преступность и правонарушения в СССР. Стат. сб. М.: Юридическая литература, 1990.

Преступность и правонарушения в СССР. Стат. сб. М.: Юридическая литература, 1991.

Рекунов, Ф. Н. 1967. Формирование жизненных планов сельских школьников как часть проблемы научного руководства обществом. *Социологические проблемы народного образования*. Свердловск, с. 53–65.

Собрание Узаконений РСФСР. 1917. № 3.

Социальные процессы и управление. Горький, 1980.

Титма, М. Х. 1975. *Выбор профессии как социальная проблема*. М.: Знание.

Архивы:

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.